

Иероним Ясинский

Дети

Иероним Иеронимович Ясинский

Дети

«Белокурая девочка пила чай у открытого окна. Она спешила и шумно глотала горячую жидкость.

Косые лучи солнца золотили низенькие ворота, трава зеленела на большом дворе, мягко дул тёплый ветер...»

Иероним Ясинский

Дети

Белокурая девочка пила чай у открытого окна. Она спешила и шумно глотала горячую жидкость.

Косые лучи солнца золотили низенькие ворота, трава зеленела на большом дворе, мягко дул тёплый ветер.

– Сегодня, Настенька, намерена ты что-нибудь делать? – спросила девочку старушка, сидевшая в кожаном кресле, за овальным столом, где блестел самовар.

Настенька с неудовольствием поставила стакан на подоконник.

– Ах, бабушка, – сказала она, наморщив лоб, – какие вы, право!.. Неужели я ничего не делаю? Поверьте, бабушка, что вчерашние уроки я вам сдам вместе с сегодняшними. Но, кажется, нужно же выпить чаю.

Она допила стакан и, отказавшись от молока, поцеловала бабушку и ушла в свою комнату.

Бабушка вздохнула, посмотрела на часы, медленно тикавшие на шкафике, и, надевши серебряные очки, стала перечитывать письмо, которое получила ранним утром, когда

Настенька ещё спала.

II

С тоской взглянув на французскую грамматику и катехизис, Настенька прислушалась, не идёт ли бабушка, и осторожно открыла старенький сундучок. Она достала оттуда истрёпанный томик, легла ничком на кровать, опёршись на локти, и глаза её жадно впились в страницы.

Ей шёл четырнадцатый год. Румянец никогда не потухал на её полненьких щеках, и углы её алого рта были слегка опущены, а середина верхней губки вздута, что придавало девочке вид капризного ребёнка. Ресницы густо обрамляли её глаза, синие как васильки. Плечи исчезали в потоке бледно-золотых волос, таких волнистых, что обыкновенный гребень был бессилён в борьбе с ними и часто ломался. Ситцевая блуза плотно охватывала пухлую шею с голубыми жилками и едва прикрывала собою крепкие икры девочки, щеголявшей в больших бабушкиных чулках.

Читала Настенька часа три кряду. Она только иногда переменяла позу, ложась то на правый бок, то на левый. Ладони её горели,

сердце напряжённо билось, страх, горе, радость, смех поочерёдно сменяли друг друга. Наконец, она дочитала и закрыла книгу. Тут бабушка позвала её обедать.

– Бабушка, – извинялась она, аппетитно поглядывая на тарелку с дымящимся супом, – я, право... Согласитесь сами... Такие огромные уроки! Вечером непременно!

III

После обеда бабушка легла спать, а на дворе появились две босоногие девочки.

Одной было лет девять, другой – двенадцать. Рукава их сорочек чуть белелись, грязные-прегрязные, синие заправки стягивали их маленькие бёдра, на шее блестели красные бусы.

Девочки делали Настеньке таинственные знаки. Язык этот был ей понятен – она выбежала к ним и повела их в сад.

Смородинная аллея тянулась там, душистая, дремля на солнце, бабочки кружились в воздухе, было тихо.

Аллея скоро кончилась, и Настенька осторожно ступала меж широких гряд, где зеленели листья клубники. Девочки шли за ней роб-

ко оглядываясь.

– Ну! – скомандовала Настенька шёпотом.

Они стали на колени и вытянули вперёд наклонённые туловища. Карие глазки их сузились, загорелые руки стали двигаться с судорожной быстротой. Настенька, со счастливым и лукавым выражением лица, прислушивалась к сладострастному чавканью их маленьких ртов, следила, как исчезают румяные ягоды в этих алчно раскрывающихся ямках, с мелкими зубками... и сама ела клубнику.

Потом девочки пересекали вместе с Настенькой баштан, перелезали через плетень, меж двух высоких тополей, перебежали кочковатое поле и на берегу маленького озера, называвшегося Ворона, раздевались.

В нём точно в жидком зеркале отражались облака. Бледная ива одиноко стояла на том берегу. Даль исчезала в солнечном сиянии. За тёмной полоской леса горел крест колокольни. Худенькие крачки хрипло стонали вверху, рея на своих больших белых крыльях и кидая на оранжевый песок мягкие бегущие тени.

Бронзовые тела девочек барахтались в во-

де. Настенька громко кричала, назначая пункты, до куда плыть. Тогда все, с разбега, бросались в озеро и, пыхтя и фыркая, плыли как лягушки, учащённо мотая направо и налево намокшими головками...

IV

Вечер.

Настенька, усталая и сонная, чувствуя песок в башмаках, сидела на крылечке, возле бабушки. Поодаль стоял мужик, понунив голову и держа обеими руками, сближенными ниже пояса, широкополую шляпу. Собака, положив на землю узкую морду, подозрительно следила за ним, сверкая белками тёмных глаз.

– Так как же, барыня?.. – говорил мужик с медлительной расстановкою малоросса. – Не будет того?

– Не будет! – решительно отвечала старуха.

– Может, ещё и девчат прислать!?. Огороды попололи бы...

– Не нужно.

– Погода добрая, сухая... В самый раз... Отдали б! Которую неделю прошу.

– Не приставай, Остап. Сказано, как у лю-

дей, так и у меня... Не то, пусть оно лучше сгниёт...

Ладонь широкой руки Остапа легла на его затылок. Наступило молчание. Бабушка сердито шевелила губами и смотрела в сторону.

– И упрямые ж вы, барыня! – произнёс, наконец, Остап. – Ну, нехай по вашему!

Он махнул рукой.

Было решено, что он доставит две трети сена с Чёрного Луга, под непосредственным наблюдением Настеньки, на господский сеновал.

– Прощайте!

Мужик надел шляпу и пошёл к воротам. Собака с хриплым лаем прыгала возле него, опускаясь на передние лапы, когда он оставался, чтоб отмахнуться палкой.

V

За ужином бабушка сказала:

– А знаешь что, Настенька? Я письмо от папаши получила. Пишет, тебя в пансион пора отдать... Спрашивает, как ученье... Обещает приехать... Будет беда, Настенька! Ты уроков не учишь и не учишь... Он ведь строгий...

Настенька стала внимательно рассматри-

вать свои ногти.

– Помнишь, что было в прошлом году? Конечно, Господь с тобою... Ты уж не маленькая... Сама можешь сообразить... Я напишу, что учишься хорошо... Но всё-таки предупреждаю... Пожалуйста, Настенька!! Не осрами меня! Не сделай лгуньей!.. Слышишь?

Настенька подошла к бабушке, чтоб крепко поцеловать её. Пряди белых старушечьих волос, выбившиеся из-под чепчика, скрылись в потоке упавших на них кудрей девочки.

– Бабушка, – шептала Настенька, – я теперь спать хочу, но даю вам слово, даю вам честное слово...

VI

В одно июльское утро Настенька проснулась раньше обыкновенного. Восток пылал, и на алом фоне зари чернела сухая ветка яблони. В форточку врывалась холодная струя садового аромата.

Настенька увидела над собою рябое лицо высокой Марины, в порыжелой корсетке, платке, обмотанном вокруг головы, и с ожерельем из разноцветных бус на пышной груди.

– Ну-те, вставайте, Настенька, пора! Иван

уже запрягает.

– Сейчас.

Девочка оделась и умылась.

– Бабушка спит?

– Ходили, да снова легли.

Марина взяла узелок со вчерашним цыплёнком, булкой и несколькими яйцами, завёрнутыми в бумагу заботливой рукой бабушки, и пошла вперёд, легко ступая босыми ногами, мелькавшими под белым подолом рубахи, спущенным ниже клетчатой плахты.

Настенька села вместе с Мариной в телегу.

Иван, белокурый парень, с серебряной серьгой в коричневом ухе, лениво посмотрел на Марину и произнёс, сжав губы:

– Мг...

Что означало, что он доволен.

Затем он сплюнул, взлез на передок и погнал лошадку; она казалась розовой под лучами солнца, край которого блеснул из-за далёкого плетня.

Настеньке хотелось спать, и она жалела, что согласилась ехать на Чёрный Луг.

VII

Но вскоре свежесть утра охватила её. Она

почувствовала себя бодрее, шутила и, заливаясь смехом, которому неистово вторила её спутница, щекотала длинной соломинкой в ушах у Ивана. Тот ничего не подозревая, осторожно заносил руку, чтоб поймать воображаемого овода.

– А Феся, а Гапка? – спросила Настенька. – Мне без них скучно будет!

– Говорила, – отвечала Марина, – прибегут. Настенька подурачилась ещё и успокоилась. Она задумалась и, нахмутив брови, стала рассеянно глядеть вдаль.

По обеим сторонам узкой дороги, обрамлённой тёмной зеленью сорных трав, волновалась жёлтая рожь. Чирикали птицы. Стучала телега, клубилась пыль.

Настеньке грезился большой город. Роскошно убранный дом весь наполнен мужчинами, прилежно расшаркивающимися перед нарядными девочками. Те обмахиваются веерами с пленительной грациозностью. Это бал в пансионе. Губернатор проезжает по улице верхом и пристально смотрит на Настеньку. А она громко болтает по-французски.

– Марина, – начала Настенька, – ты была в

каком-нибудь городе? Я так ни в одном не была!

– Была. В Остре была.

– Хорошо там?

– Церкви хорошие.

– Расскажи, пожалуйста!

Марина стала рассказывать. Особенно подробно распространилась она о «красной лавке», где видела много шёлковых лент и поясов.

– Это неинтересно, – заметила Настенька вздохнув.

Иван взял в сторону и остановился в лесу. Старые сосны бросали здесь на землю бледные тени. А рядом росли корявые дубы, и, в их полуобнажённых вершинах, бешено кричали сорокопуты.

VIII

Чёрный Луг лежал внизу, вместе с примыкавшим к нему кустарником, тянувшимся параллельно ржаному полю до села Дмитровки. Церковка белелась вдали. Копны сена, которые Настеньке нужно было сосчитать, грузно сидели на скошенной равнине. С одной из них, когда раздался стук колёс, снялся боль-

шой желтоватый ястреб и бесшумно пропал за лесом.

Иван распряг лошадь и пустил пастись.

Настенька, с карандашом в руке, сейчас же приступила к исполнению своей хозяйственной обязанности. Марина собирала валежник, чтоб разложить костёр. Сухие ветки затрещали, когда их коснулись красные, реющие языки пламени с сизыми завитками дыма на концах.

– Каша? – спросил Иван.

– Каша, – отвечала Марина.

– Мг... – произнёс он.

– Чего тебе?

Он помолчал.

– Воды, может, принести?.. – осведомился он.

– Принеси...

Он взял ведро и, улыбаясь, сонными глазами смотрел на Марину, скромно опустившую чёрные ресницы. Когда он сделал шаг к ней и опять произнёс: «Мг!», она крикнула сердито:

– Белены объелся! Ступай же по воду!

Феся и Гапка – сёстры Марины – пришли кратчайшим путём, с кувшином кислого мо-

лока и хлебцем. Настенька, окончив счёт копанам, встретила девочек ласковым восклицанием:

– А, мои куклы, здравствуйте!

Они отвечали застенчивым смехом, почёсывая пальцами ног икры.

– Ну, что ж мы будем стоять... Марш! – крикнула она.

Она схватила их за руки и побежала. Они ободрились, веселье её сообщилось и им. Маленькая Феся увлеклась до того, что стала подражать пристяжной и, круто повернув голову, тихонько ржала.

Возвратившись к костру, девочки принялись есть. Настеньке казалось, что ещё никогда цыплёнок не был так вкусен. Даже каша, приготовленная Мариной, серая и отдававшая дымом, и тёплое кислое молоко необыкновенно понравились ей.

Между тем стали надвигаться тучи. Солнце высоко сияло над чёрно-лиловым облаком, скомканные края которого блестели как снег. Было душно.

Настенька вспомнила, что бабушка накануне просила её возвратиться к обеду, и засу-

етилась.

– Домой надо, Марина.

Но ей пришла охота собрать букет из полевых цветов, и, предоставив Фесе и Гапке доедать цыплёнка, она углубилась в чащу кустарника. Колокольчики, лютики, алые гвоздики, крупные ромашки тянули её к себе, кивая ей своими головками из-за низко растущих кустов и трав.

– Барышня, ау!

– Ау! – откликнулась Настенька всею грудью.

– Ау! – крикнул в двух шагах от неё чей-то незнакомый голос.

Настенька вздрогнула и подняла голову. Пред нею стоял высокий мальчик в блузе и охотничьих сапогах, с добродушными серыми глазами и едва заметными усиками, как тень лежавшими над красною и толстою губою. Его тёмные волосы слабо вились на концах, и прядь их пристала к вспотевшей смуглой щеке.

IX

Настенька сделала движение, чтоб убежать. Но он удержал её за рукав.

– Послушайте, вы что за девочка? Что ж вы не отвечаете? Ведь я вас не укушу... Постоите! Вы внучка Трещотихи, что живёт в Кривом Хуторе? Не правда ли?

– Да.

На ресницах Настеньки повисло по слезинке. Она сделала шаг вперёд.

– Да подождите же! Разве я разбойник? Посмотрите – со мной нет ни ружья, ни кинжала. И чего плачете? Ну, Бог с вами, ну, идите!

Настеньке стало стыдно.

«Ужасно неприлично», – подумала она и спросила, останавливаясь и ощипывая цветок:

– А вы кто такой? Верно из Дмитровки?

– Я – Гузик. Угадали. Дайте же вашу руку. Познакомимся.

Настенька протянула Гузику руку, бросив на него застенчивый взгляд.

– Я вас видела зимой, в церкви, – сказала она.

– В церкви? Вряд ли. Впрочем, может быть!.. Забрёл как-нибудь случайно...

– Вы стояли на клиросе и подтягивали дьячку...

– Я? На клиросе?

– Вы. Я хорошо помню.

– В самом деле, я?

– Как же... Ещё басом хотели взять... И никак не могли... Только хрипели... А я всё смотрела и видела, как у вас так смешно надувается горло...

– Ах, вы, критик!.. Пожалуй, может быть, и я... от скуки...

Он сорвал лист и растёр его между пальцев.

– Итак вы уж меня не боитесь?

Настенька улыбнулась.

– Нет... Вот ещё стану бояться!

– А кто сейчас плакал?

– Конечно, если испугаешься, то заплачешь! Вы не должны над этим смеяться...

– Ха, ха, ха! Атанде! Смеяться-то я буду и всей Дмитровке об этом расскажу!.. Уж позвольте!.. И вашей бабушке...

Настенька пожала плечами.

– Что ж, говорите. Разве вы знаете бабушку?

– Зная внучку, легко узнать и бабушку... Прямо приеду к ней и расскажу... Вот и Мари-

не сейчас расскажу... Марину-то я знаю... У Остапа Самуся видел... Она мне всю вашу подноготную выложила, всё-всё! Ведь она тут, с вами? Это она кричала?

– Она. Что ж она вам насплетничала? Это довольно интересно.

– Например, она передала мне, что вы попростом целую банку варенья съели, и за это вас бабушка поставила на колени...

Настенька покраснела.

– Неправда! Вот, неправда! Марина врёт!

– Я тогда же подумал: «Ах, злая бабушка, подожди, доберусь я до тебя!»

– Т-с... Я бабушку люблю... Не говорите так... А зачем вы у Самуся бываете? Это отчим Марины, он простой мужик...

– Ну, так что ж!

– Как, у простого мужика?

– У простого мужика.

Гузик с торжеством смотрел на девочку и, очевидно, был горд сознанием своей гуманности, до которой та ещё не доросла.

– Вы – удивительный! – сказала Настенька. – Я давно знала, что вы ездили с Самусем рыбу ловить... Мне Марина говорила... Это,

должно быть, весело... А бабушка мне запрещает ходить к мужикам.

– Отсталая женщина! – пояснил мальчик. – И странно, что вы защищаете её... Впрочем, вы ещё дитя...

– А вы?

– Я? – он нахмурил брови и снисходительно улыбнулся.

Х

Вдруг капля дождя упала Настеньке на руку.

– Дождь? Кажется, дождь! – сказала она с испугом. – Договорились!

Гузик обвёл глазами горизонт. Тучи заволокли солнце, и небо казалось сплошной массой клубящегося дыма. Только в одном месте, где блестели белые облака, виднелся клочок лазури. Подымался ветер.

– Да, конечно, дождь... Если ещё не идёт, то будет. Вам нужно на Чёрный Луг? Пойдёмте, я вас провожу. Здесь, знаете, в этом кустарнике небезопасно... Водятся волки...

Настенька съёжилась.

– Волки?

– Не тревожьтесь. Со мною не страшно. Я

очень сильный. Хотите, я вырву это деревцо?

Он подбежал к молоденькой берёзе и, после долгих стараний, мог только пригнуть её к земле.

– Вот видите, – говорил он, тяжело дыша, – почти вырвал... Ещё немного и вырвал бы... Корни очень крепкие... сплетаются с другими корнями и от этого трудно... Во всяком случае, мне... волк ни по чём!..

Настенька с уважением взглянула на него.

– Что же касается до вас, – продолжал он, – то, признаюсь, я удивился вашей... смелости... Или, лучше сказать, вашему неведению насчёт опасности... Гулять сюда приехали? А?

Настенька приняла солидный вид.

– Как вам сказать... Да... Но больше по хозяйству... Тут наше сено... Но я не знала, что так страшно... А вы здесь что делали?

– Собирал насекомых... Вообще я по части точных наук... Вот посмотрите, какой великолепный жук! Вы его знаете? Бронзовка.

– У нас в саду, часто...

– Обыкновенный жук. На розах, сирени, на жасмине... А вот тут, в этой баночке... Я нарочно отдельно спрятал его... Красотел...

Calosoma... Это уж редкость. Видите?

– Да, да! Прелесть!

Насекомое, сверкая шероховатыми, изумрудными надкрыльями и рубиновой грудью, быстро бегало на дне баночки и становилось на задние ножки, тщетно стараясь уйти из своей стеклянной тюрьмы.

– Для чего оно вам?

– На булавку... Составляю коллекцию...

– Бедная козявочка! Выпустите её!

Гузик усмехнулся.

– «Козявочка»!

XI

В это время раздался призывный крик, исполненный хором Мариною, её сёстрами и Иваном.

– Барышня, ау-у! Ехать пора-а-а!!

– Пойдёмте скорее! – тревожно сказала Настенька. – Иду-у! – крикнула она в ответ на зов. И прибавила, обращаясь к своему спутнику. – Ого! Началось! Смотрите-ка!

Клочок лазури пропал. Жёлто-свинцовое небо казалось сводом огромной залы, тускло освещённой снизу. Падали редкие капли дождя, тяжёлые и светлые как брызги ртути. Гу-

зик взял её за руку.

– Скорее!

Настенька побежала возле него мелкими шажками. Дождь усилился. Слышался непрерывно возраставший шум, точно где-то, в высоте, пролетали бесчисленные стаи птиц, всё быстрее и быстрее махая крыльями.

Мокрые ветки последний раз скользнули по Гузику и Настеньке. Потянулся Чёрный Луг.

– Зарывайтесь, барышня, в сено! – кричала Марина, радостно выглядывая из-под копыны, где было сделано нечто вроде ниши. – Ишь какого молодца нашли! Ох, Боже мой, Гузик! Зарывайтесь и вы!

Она уступила им своё место и перебралась к сёстрам.

Дождь хлынул стремительным потоком. Горизонт стал таять в сплошном облаке воды. Вдруг оно дало блистающую трещину, на мгновение озарившую луг и лес белокалийным светом. Грянул гром.

Настенька схватилась за грудь.

– Господи Иисусе Христе!

– Могу сказать – феномен! – произнёс Гузик

ВЗВОЛНОВАННЫМ ГОЛОСОМ.

Его мокрое лицо, с нахлобученным козырьком, почти касалось лица Настеньки. Мутная дождевая капля дрожала на его розовом ухе.

– Промочили ноги? – справился Гузик.

– Кажется.

– Не забудьте вытереть скипидаром, как приедете домой.

Дождь всё шумел. Удары следовали за ударами. Настенька тревожно прижималась к Гузику, и он чувствовал, как она дышит.

XII

Так продолжалось несколько минут. Затем постепенно начали стихать хлещущие звуки ливня. Шум дождя стал походить на спокойный шум воды, льющейся из опрокинутой бочки. За белым блеском молнии громыхали всё более и более отдалённые раскаты.

Настенька подняла голову и улыбнулась. Улыбнулся и Гузик.

– Проходит?

– Скоро пройдёт.

Между ними опять завязалась беседа. Гузик объяснил, что такое гроза. Положитель-

ное электричество сталкивается с отрицательным – вот и всё. Затем разговор коснулся учёнья и книг. Настенька рассказала, какие книги лежат у бабушки на чердаке, в коробе, где мыши завели гнёзда. Гузик, когда Настенька называла какую-нибудь повесть или роман, делал гримасу. Он находил, что романы отнимают только время. Пушкина осмеял. Снисходительно улыбнулся, когда Настенька упомянула о «Библиотеке для чтения». Плохой журнал! Впрочем, он его не читал. Пожалел о «Русском слове» и горячо рекомендовал «Дело». Потом он объяснил ей, что мозг нуждается в притоке фосфора, и что, на этом основании, иногда необходимо принимать внутрь по капельке этого вещества. В доказательство же истинности своих слов, он пошарил в слипшемся кармане блузы и, доставши оттуда спичку, отправил её в рот.

XIII

Дождь совсем перестал. В лазурном небе тучи висели только там и сям. Над приниженным лесом стояла колоссальная многоцветная дуга. Солнце бросало тёплые, золотые лучи.

Гузик помог Настеньке выбраться из сена. Колосья и соломинки вцепились в их волосы. Настенька встряхнула платье и подтянула мокрый чулок.

– Не уроните меня! – кокетливо вскрикнула она, когда Гузик взял её на руки, чтоб перенести через поток, мчавшийся посреди луга.

Прощаясь с Настенькой, Гузик сказал небрежным тоном:

– Послушайте... Вам этот жучок... красотел... понравился... Вы хотели, чтоб я его выпустил... Выпустить?

– Выпустите.

– Ну, вот, смотрите! Вот он теперь на свободе... До свидания!

Телега, нагруженная седоками, тяжело запрыгала по размытой дороге. Марина посмеивалась. Настенька оглядывалась на отодвигающийся лес, где на тёмной зелени вырезывалась светлым пятном блуза Гузика.

XIV

Через полчаса Настенька была дома. Сердце её тревожно забило, когда она, въезжая во двор, заметила, что на крыльце стоит её отец Семён Петрович Самохвалов. Это был

полный, лысый, невысокого роста мужчина, смуглый и рябой, с седоватыми бакенами, гладко выбритым подбородком, сжатыми губами, над которыми щёткой торчали усы, с заострённым носом и густыми бровями, придававшими строгое выражение его серым глазам, в белом широком пиджаке и брюках канареечного цвета, с руками, засунутыми в карманы, и ногами, расставленными как ножки циркуля.

– Папаша! – крикнула Настенька, бледнея и подбегая к нему, причём букет рассыпался и цветы упали в грязь. – Это вы, папаша?

– Это я, дочка, – сурово отвечал Самохвалов. – Не смей подходить ко мне! Чумичка! Свинка! Ступай к бабушке. Попроси прежде, чтобы тебя одели. Грязная! Грязная! Нашла время ездить! Так-то ты учишься? Вот посмотрим, что ты знаешь. Ступай!

– Я, папаша... Бабушка просила... сколько сена... Я не виновата, если гроза...

– Ступай!!!

Он искоса взглянул на дочь. Настенька неслышно скользнула в дверь. Испуг леденил ей грудь, стыд жёг щёки.

«Вот и приехал», – говорила она себе с отчаянием.

В голове её стали кружиться обрывки уроков, которые задавала ей бабушка, и которые она теперь напрасно старалась припомнить.

Увидев бабушку, она бросилась к ней и обняла её.

– Бабушка, бабушка!

Подбородок её покраснел и сморщился, слёзы брызнули из глаз. Она дрожала.

– Я тебе говорила, Настенька, – шептала бабушка, которая сама была испугана внезапным приходом Самохвалова, – не слушала... Что ж я скажу ему?.. Ну, перестань... Ну, не бойся!.. Теперь что уж... Теперь надо только стараться как-нибудь отделаться... – она поцеловала Настеньку. – Ну, полно... Ты не простудилась?

– Нет...

– Ног не промочила?

– Да нет!.. Бог с ними, с ногами!.. Бабушка, попросите его, чтоб завтра... Я же не могу вдруг!.. Мне надо приготовиться... Бабушка, ведь, в пансион не сейчас же! Скажите ему, уверьте его... право, я, может быть, не обре-

жусь, вот право же...

– Хорошо, хорошо.

– А теперь скажите, что я сию минуту.

Она отёрла кистями рук слёзы и побежала в свою комнату. Здесь она умылась и причесалась с лихорадочною поспешностью. Само собою разумеется, что гребешок был приведён ею в состояние крайней негодности. Затем она надела белое платье в голубеньких мушках, чистые чулки и новые козловые ботинки. Бабушка вошла к ней, когда она обдёргивала юбку, чтоб платье казалось длиннее.

– Вот это отлично, Настенька, – сказала старушка.

– Это он приказал. Что он там делает?

– Курит. Ты вот что, Настенька... Покамест что, не съешь ли чего-нибудь? Супцу съешь... Блинчики есть... твои любимые... с сыром и в сметане... Мы пообедали без тебя... Папаше есть хотелось...

Но Настенька уже обеими руками перелистывала грамматику.

– Вы удивительные, бабушка!.. Тут некогда, а вы – блинчики! Отстаньте, пожалуйста!.. J'aime, tu aimes, il aime... Я вот сейчас... Я толь-

ко капелечку... Бабушка, родненькая! Вы ему скажите, что я уже большая, что он меня может только разве за уши... J'aurai, tu auras, il aura... Ради Бога, не стойте над душой!.. Милочка, выйдите к нему, займите его... Чтоб не сейчас... Я вот мигом... Ведь, я это всё знаю... Только повторить... Que j'eûsse, que tu eûsses, qu'il eûsse... Ах, вру...

Она схватила себя за голову и затопала ногами.

– Да не мешайте мне!!

Бабушка хлопнула дверью, рассердившись не столько на внучку, сколько на Самохвалова.

«Эк девочку до чего довёл... Он своими строгостями и Машу-покойницу в гроб вогнал... Мне этот человек всегда противен был», – думала бабушка, входя в небольшую гостиную, где жёлтые лучи, разбиваясь о зелень фуксий и олеандров, играли на некрашеном полу, на берестовой мебели, обитой выцветшим ситцем, и на стёклах покоробившихся и потемневших гравюр, изображавших героев двенадцатого года.

По тону разговора, который бабушка нача-

ла со своим зятем, Настенька догадалась, что дело идёт о ней, в особенности, когда голоса стихли. Она сидела над книгой, замирая от ожидания и чувствуя, как что-то холодное точно ком снега подкатывается у неё к горлу.

Вдруг Самохвалов крикнул:

– Настя!

Сердце у девочки забилося так сильно, что ей сделалось больно. Она едва не упала. Но у неё, однако, хватило силы принять бодрый и приветливый вид. Шумя платьем, она мелкими шагами побежала на зов отца.

– Чего, папаша? – спросила она, останавливаясь у дверей.

– Поди сюда, ближе!

К её удивлению, отец обошёлся с ней милостиво. Он погладил её по щеке и сказал:

– Не смотри в лес... Смотри мне прямо в глаза! Бабушка говорит, что ты хорошо учи-лась. Надо верить. Слышишь, я верю! Полагаю, что прошлогоднее не было забыто. Не смотри в лес!

Обратившись к бабушке, он прибавил:

– Вся в бедную Машу... Прехорошенькая делается, каналья.

Настенька конфузливо улыбнулась.

Самохвалов опять провёл рукой по её лицу и продолжал:

– Такой почти взрослой девочке следует держать себя прилично. Вот когда ты в чистеньком, я тебя люблю. Имей ввиду, завтра едем. До пансиона ещё месяц. Если понадобится, я тебя вымуштрую. В люди готовиться – не шутки шутить. Я – не добрая бабушка, потакать не стану. Всё, что когда-нибудь учила, будешь знать. На, поцелуй!

Он протянул дочери руку, с короткими пальцами, с вылощенными ногтями, покрытую реденьким, чёрным пухом. Настенька поцеловала её, встретив острый взгляд его маленьких глаз.

XV

Всю ночь просидела Настенька в своей комнате у столика и сожгла целую свечу. Бабушка, светом, слышала, как ещё скрипело её перо. Она была уверена, что Настенька делает переводы или задачи, и шёпотом распекла её, настояв, чтобы, наконец, она легла.

Часов в десять утра к крыльцу был подан тарантас. Девочка, в слезах, села рядом с от-

цом.

– Не нюнить! – брезгливо приказал он. – Ты знаешь... я долго не люблю упрашивать. Ну, с Богом!

Вдруг бабушка вспомнила, что на дорогу испечены пироги, и послала за ними Марину. В это время Феся незаметно приблизилась к тарантасу, взобралась на подножку и что-то сунула в руку Настеньке. То была кукла. Голова её была сделана из чеснока, тонкие корешки которого, искусно заплетённые в косу, торчали наподобие хвоста. Платье было сшито из лоскутка алой ленты. Настенька посмотрела на куклу и не могла не улыбнуться.

– Что это? – спросил Самохвалов.

– Так... кукла...

– Кукла? Какая кукла? Разве это кукла? Фи, чеснок! Гадость! Брось! Срам! Брось! Маленькая! Нашла забаву! Брось, говорят тебе!

– Да это Фесина, – пояснила Настенька, стограя от стыда.

Кукла полетела на землю. Феся с удивлением подняла её и спрятала за пазухой. Она считала её драгоценностью.

Между тем, Марина принесла пироги. Ба-

бушка, слегка переваливаясь, подбежала к Настеньке и, подавая узелок, крепко пожалала ей руку.

– Ну, с Богом!

Был пасмурный день. Кривой Хутор скоро остался позади. Брызнул дождь. Он громко барабанил по коже тарантаса. Гладкое поле сливалось с серым небом, лес синел, расплываясь в водяной дымке. Прыгала на козлах фигура кучера в рыжей барашковой шапке, лошади фыркали, точно внезапно взлетали испуганные птицы, комочки грязи падали на влажную подушку, на одежду. Настенька всё плакала украдкой от отца.

XVI

Бабушке тоже не было весело. Тягостное чувство одиночества давило её. Она слонялась по своему домику из угла в угол, утешая себя тем, что будет брать к себе внучку на праздники. После обеда она, сверх обыкновения, никак не могла уснуть и забралась в комнату Настеньки. Она пересмотрела книги, которые забыла Настенька или не взяла нарочно. Тут, между прочим, были романы. Бабушка покачала головой и решила, что внуч-

ка – плутовка. Затем заглянула в её старые тетради. Каждая страница их напоминала ей какую-нибудь сцену, действующим лицом которой была Настенька. Наконец, она подняла с пола несколько четвертушек серой, исписанной по всем направлениям бумаги. Чернила были ещё свежи. Очевидно, это то, над чем Настенька так усердно трудилась ночью. Но удивлению бабушки не было границ, когда, при более близком исследовании, листки оказались черновыми набросками стихов, которые сочиняла Настенька по поводу прощания с хутором. О бабушке в этих стихах не упоминалось ни слова. Равно ничего не говорилось ни о Марине, ни о её сёстрах. Но зато самые восторженные, хотя и не особенно грамотные строфы посвящались какому-то герою, с кудрями до плеч и с глазами, пламенными как звёзды. Он избивает стада волков, и ему Настенька обязана тем, что её не съели эти ужасные звери. Стихотворение разогнало бабушкину тоску. К тому же, погода прояснилась, и солнце весело заискрилось в мириадах росинок, дрожавших на зелени сада. Тем не менее это стихотворение осталось для неё

загадкой. Она долго ломала над ним голову и, в конце концов, могла только придти к заключению, что у Настеньки живая фантазия.

Январь 1880 г.